

Воспользовавшись моментом, Ци Жуньюнь быстро спустился с кровати и начал одеваться. Однако неожиданно подвергся нападению. Оглянувшись, он увидел серьезное и невинное выражение лица Сун Цинъи. В итоге ему пришлось сделать вид, что ничего не произошло, и продолжить одеваться, попутно незаметно вытирая свои покрасневшие уши. В этот момент он услышал легкий смех лежащего на кровати человека, что заставило его почувствовать себя еще более неловко.

Несмотря на покрасневшие уши и то, что он стоял спиной к кровати, Ци Жуньюнь все же ответил Сун Цинъи.

— Черепаховый узор застывает в весеннем цвете, а люли переливается, словно водная гладь. Мать всегда очень любила люли, а семья Ци издревле владела искусством создания форм для него. Еще в детстве отец постоянно твердил мне, что я, как старший сын семьи Ци, обязан передать это мастерство дальше. Позже, оказавшись в семье Сун, это ремесло стало для меня способом скучать по родным. С течением времени я уже и сам не знаю, действительно ли мне это нравится или это просто навязчивая идея.

Это был первый раз, когда Ци Жуньюнь говорил так долго в его присутствии. Сун Цинъи почувствовал одновременно боль и радость. Боль — от того, что его супруг ощущал одиночество все эти годы из-за него, а радость — от того, что он начал делиться своими мыслями, чего раньше никогда не было. Он понимал, что это означало принятие его обещания провести жизнь вместе и желание строить их совместную жизнь.

С этими мыслями Сун Цинъи встал, обнял его и после небольшой паузы произнес:

— Будь то навязчивая идея или любовь, если тебе это приносит радость, значит, так и должно быть.

— Мм.

Ци Жуньюнь наконец ответил на его проявление внимания.

Они встали рано, и к тому времени, как они закончили завтрак и добрались до печи, мастера уже начали работу. Однако их вчерашнее место было еще свободно. Так как ночью работы не велось, огонь в печи, естественно, погас, а формы на каменной платформе остыли. Из-за того, что формы были завернуты, можно было увидеть только их боковые стороны, и пока нельзя было разглядеть цвет, но уже можно было ощутить красоту прозрачности люли.

Сун Цинъи и Ци Жуньюнь переглянулись.

— Я разведу огонь, а ты займись формами.

Все необходимое уже было на месте, и в печи не было недостатка в дровах, так что Сун Цинъи нужно было только разжечь огонь и поддерживать его.

Когда старина Чжэн получил сообщение и пришел, огонь в печи уже горел вовсю, а формы были запечатаны и снова завернуты в полукруг.

— Молодой господин и супруг так рано. Я думал, вы явитесь позже.

— Ничего, старина Чжэн, сегодня ты можешь заняться своими делами. Я сам знаю, что делать, позову тебя, когда нужно будет открывать печь.

Старина Чжэн, как мастер, назначенный дядей Нань для обучения Сун Цинъи, естественно, занимал высокое положение среди мастеров и был занят множеством дел. Сун Цинъи знал, что процесс повторного обжига не требовал особого внимания, а вот после открытия печи и извлечения форм им, как новичкам, действительно понадобится помощь.

Старина Чжэн, очевидно, думал так же, и, будучи действительно занятым, не стал возражать. Вчера он провел с ними весь день только потому, что другие мастера взяли на себя его обязанности.

— После повторного запечатывания форм и обжига потребуется еще полдня. Это самый спокойный этап процесса, главное — следить, чтобы формы не треснули, и поддерживать огонь. Молодой господин может заняться другими делами, чтобы скоротать время.

Сун Цинъи кивнул, и, когда старина Чжэн ушел, достал принесенный с собой ящик с книгами. Он уже несколько дней наблюдал за процессом и знал, как будет проходить сегодняшний день. Хотя он не мог так уверенно, как мастера, уйти и вернуться в нужное время, он мог читать, одновременно следя за огнем. В ящике с книгами помимо томов были также бухгалтерские книги, письма и простые принадлежности для письма. Первые — это бухгалтерские книги лавки, которую ему передали, и письма управляющего с описанием текущих дел. Хотя он все это время находился на производстве, он не забрасывал эти дела. Последние были взяты на всякий случай. Ци Жуньюнь же достал из ящика книгу и сел читать.

Сун Цинъи сидел у каменной платформы, читая письма и бухгалтерские книги, время от времени делая заметки на бумаге. Его супруг сидел рядом с ним — в печи не было стульев, только длинная скамья для отдыха мастеров. Сун Цинъи занял половину, оставив большую часть для Ци Жуньюня.

Они спокойно занимались своими делами, время от времени вставая, чтобы проверить огонь и формы в печи.

К полудню Сун Цинъи, используя щипцы, аккуратно поддел форму, прислушиваясь к ощущениям при ее движении, и подумал, что уже достаточно.

Как раз в этот момент вошел старина Чжэн и, увидев действия Сун Цинъи, улыбнулся.

— Я думаю, время уже подошло, решил заглянуть. Вижу, молодой господин уже сам все понял.

Сун Цинъи улыбнулся, кивнул старине Чжэн, а затем поманил Ци Жуньюня.

— Идем, достанем вместе. С формами еще придется повозиться, супруг.

Старина Чжэн, проведший последние несколько дней с Сун Цинъи, был впечатлен его серьезным отношением к обучению, скромностью и вежливостью. Он никогда не брезговал грязной работой и всегда вел себя достойно, как подобает человеку из знатной семьи. Однако с тех пор, как он начал заниматься изготовлением этой чаши из люли с супругом, поведение молодого господина стало несколько странным. Старина Чжэн, глядя на Сун Цинъи, который улыбался с искренним выражением, но с оттенком легкомысленного заигрывания, почувствовал некоторое недоумение — хотя он и не знал такого слова, но ощущение было именно таким.

Из-за присутствия старины Чжэн Ци Жуньюнь немного смутился от шуток Сун Цинъи, но при этом испытывал ожидание от того, что он сказал. Действительно, как он утверждал утром, изготовление люли заставляло его холодную и спокойную натуру волноваться. Почему бы не

попробовать? Сун Цинъи дал ему свободу выходить из дома и вместе с ним изучал это ремесло. Разве он действительно собирался провести всю жизнь, не выходя за пределы внутреннего двора?

Решившись, Ци Жуньюнь проигнорировал странную улыбку Сун Цинъи, подошел и с помощью щипцов достал форму, положив ее на каменную платформу. Старина Чжэн подошел и осмотрел ее.

— Форма действительно сделана хорошо. Влажность и плотность, должно быть, идеально подошли, раз цвет после такого длительного обжига получился равномерным. Это также позволяет люли внутри лучше пропечься.

Старина Чжэн ранее уже хвалил мастерство Ци Жуньюня, отметив, что узоры, вырезанные в обратную сторону, были тонкими и изысканными. Теперь, увидев цвет обожженной формы, он снова не скупился на похвалы. Сун Цинъи улыбнулся и с гордостью сказал:

— Мастерство Линьюя, разумеется, на высоте. Старина Чжэн, расскажи нам, как снимать форму.

Извлечение обожженного люли из формы — это процесс, требующий большого мастерства и опыта. Легкое движение не отделит форму, а сильное может повредить люли. Необходимо, чтобы форма отделилась, но сам люли остался целым.

Старина Чжэн взял инструменты и начал аккуратно работать по шву, где форма была соединена, одновременно объясняя:

— Хотя форма и люли плотно прилегают друг к другу, форма сделана из глины, и она не такая плотная, как люли. Изначально форма была обернута дополнительным слоем, который можно сначала сбить, и это не повлияет на внутреннюю часть. Когда этот слой будет удален, шов между двумя половинами формы станет более заметным.

Наблюдая, как старина Чжэн аккуратно постукивает здесь и там, форма быстро раскололась на четыре части, открывая внутри фиолетовую чашу.

Чаша была темно-фиолетовой, почти черной, с тонкими стенками, пропускающими свет фиолетового оттенка. Снаружи был выгравирован узор в виде листьев лотоса, а на краю — тонкий орнамент. Из-за того, что чаша еще не была отшлифована, она выглядела немного грубовато. Но даже в таком виде Ци Жуньюнь не мог оторвать от нее взгляд.

Слегка выдохнув, Сун Цинъи положил чашу из люли в руки Ци Жуньюня и сказал:

— Эта чаша — тебе. Это наше первое совместное творение, на память. Хотя сейчас нам еще помогает старина Чжэн, но однажды мы обязательно сможем самостоятельно создать изделие из люли.

Конечно, эта чаша пока лишь полуфабрикат, и ей еще предстоит грубая и тонкая шлифовка. Этому ему тоже предстоит научиться, и, вероятно, пройдет немало времени, прежде чем эта чаша станет настоящим произведением искусства.